

УДК 821.161.1–6

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-308-317

«ДАНО МНЕ ВМЕСТЕ БЫТЬ С ТОБОЮ...»: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ И.И. КОЗЛОВА И В.А. ЖУКОВСКОГО

Якушкина Н.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация: Статья посвящена творческому диалогу В.А. Жуковского и И.И. Козлова, который возник благодаря многолетней дружбе и общности литературных интересов двух литературно одарённых личностей. Материалом исследования стали стихотворения двух поэтов, дневниковые записи и эпистолярный И.И. Козлова, статья В.А. Жуковского «О дружбе». В статье выявляются общие образы и мотивы литературного наследия двух поэтов, особое внимание уделяется мотиву спасения, связанного с образами челнока, паруса. Анализируется стилистический уровень поэзии В.А. Жуковского и И.И. Козлова. Если для творчества первого поэта характерен мистический пафос и условность поэтического видения, при несомненном серьёзном отношении к поэзии как выражению духовной жизни, то второй при передаче жизни духа передаёт психологическое состояние духовной личности.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, И.И. Козлов, литературное общение, формирование творческих индивидуальностей.

"I WAS MEANT TO BE TOGETHER WITH YOU...": A CREATIVE DIALOGUE OF I. KOZLOV AND V. ZHUKOVSKY

N. Yakuskina

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article is devoted to the creative dialogue of V. Zhukovsky and I. Kozlov, which arose due to the long-term friendship and common literary interests of two literary gifted personalities. As the material of the study served two poets' poems, diaries and epistolary by I. Kozlov, V. Zhukovsky's article "Friendship." The article identifies the common images and motifs of the literary heritage of the two poets, focusing on motive of salvation associated with the images of the shuttle, the sail. We analyze the stylistic level of poetry of V. Zhukovsky and I. Kozlov. If creativity of the first poet is characteristic of mystical pathos and conventional poetic vision with the undoubted serious attitude to poetry as an expression of the spiritual life, the second poet conveys the psychological state of spiritual personality in transmission of the spirit of life.

Keywords: V. Zhukovsky, I. Kozlov, literary communication, the formation of creative individuals.

Дружба И.И. Козлова и В.А. Жуковского носила очень глубокий и продолжительный характер. Их знакомство состоялось в 1808 г., когда В.А. Жуковский переехал в Москву для редактирования «Вестника Европы». Что могло объединять обычного чиновника департамента государственных имуществ и уже тогда известного и читаемого всей Россией поэта? «Он сразу заметил Козлова и оценил в нём, по-видимому, литературные интересы и образованность, а не искусство балетного танцора, о котором так охотно говорят многие исследователи. Вскоре Жуковский стал не только близким другом, но и литературным наставником Козлова» [7, с. 9].

Безусловно, их сближение основывалось на общности литературных интересов и предпочтений. Разделяя концепцию своего учителя: «Жизнь и поэзия – одно», Козлов «с самого начала своего творческого пути провозгласил право поэта на глубоко личные, лирические излияния, за которыми, однако, стоит объективный мир в его сложном многообразии» [7, с. 17]. Тем не менее, поэзия Козлова весьма отличается от поэзии Жуковского. Если сравнивать произведения, в которых прослеживаются одни и те же мотивы, написанные в одном и том же жанре, читателю не составит труда определить авторство каждого. Несмотря на то что в творческом наследии Жуковского много стихотворений, воспевающих веру, сострадание, надежду и настоящее смирение, его муза никогда бы не повторила музу Козлова. Для этого бы ему пришлось оказаться на месте «слепого музыканта».

Когда Козлов окончательно потерял зрение, а болезнь ног навечно прико-

вала его к постели, Жуковского в России не было. Тяжело пережив эту разлуку, которая выпала на самое тяжёлое для него время, И.И. Козлов в феврале 1822 г., через месяц после возвращения Жуковского на родину, создаёт одно из значительнейших своих произведений, которое впоследствии станет программным для всего его творчества – послание «К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому>. По возвращении его из путешествия». Поэт признается в нём, что год разлуки был «уныл» и «чёрен» для него. За это время очень многое переменялось в его судьбе, но он спешит заверить друга, что он «любить не разучился» [7, с. 59]: воспоминания грели и успокаивали его душу. В этом дружеском послании И.И. Козлов вспоминает о своём «счастливом прошлом, исполненном жизненной энергии, пылких мечтаний и молодой отваги» [7, с. 18]:

*С душой, наполненной огнём,
Я волн и бурь не утратился, -
И в лёгком челноке моём
Отважно по морю пустился <...>*
[7, с. 61]

Образ челнока был одним из самых популярных в русской литературе начала XIX века. Его можно встретить в творчестве К.Н. Батюшкова («Любовь в челноке», 1810 г.), Д.В. Давыдова («И звёздочка моя», 1834 г.), А.И. Полежаева («К моему гению»), А.С. Пушкина («Арион», 1827 г.). Но первым открыл эту выразительную метафору для отечественной поэзии В.А. Жуковский в стихотворении 1809 года «Путешественник»:

*Вдруг река передо мною –
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струёю
Подле берега челнок <...>* [6, с. 98]

Призываемый тайным голосом плыть на восток странник оказывается в челноке, который должен был вынести его к «храму чудесному». Однако челнок с обречённым на гибель героем теряется в «безвестном океане» [6, с. 99].

В другом его стихотворении «Пловец» (1812 г.) героя, на сей раз «вихрем бедствий гонимого» из родной стороны, так же, как и в прошлом произведении, челнок во время бури заносит «в океан неисходимый». Но финал в этой истории иной. Лирический герой спасается при помощи божественного Провидения, которое было его «тайным кормщиком» [7, с. 20].

И.И. Козлов хорошо знал, что его друг «искал настоящей веры и долго шёл к православию, увязая в болотах немецкого и английского романтизма, где смешаны были в некое единство пантеизм, протестантизм, какие-то архаические верования, разные поэтические домыслы...» [2, с. 52].

Спустя три года в стихотворении «Младенец» (1815 г.) Жуковский вновь обращается к сюжету о челноке, бурей застигнутого в водах неизвестного океана. Здесь поэт рисует картину совершенного доверия и веры в помощь Провидения. Абсолютная беспомощность человека подчёркивается и тем, что в образе лирического героя выступает младенец:

Чёлн забыт... а гибель, страх?

Их невинность и не знает.

Улыбаясь, на цветах

Мой младенец засыпает.

Вот пример! Беспечно в свет!

Пусть гроза, пускай волнение;

Нам погибели здесь нет;

Правит чёлн наш Провиденье... [6, с. 252-253]

Видимо, именно от В.А. Жуковского этот романтический образ был унаследован И.И. Козловым. С этой выразительной метафорой в его творчестве мы встречаемся уже в первом его стихотворении «К Светлане» (1821 г.). В нём поэт отождествляет свою жизнь с «беспарусным челноком», который был «разбит свирепую волною». Здесь мы обнаруживаем явное созвучие с «Пловцом» Жуковского:

Вихрем бедствия гонимый,

Без кормила и весла,

В океан неисходимый

Буря чёлн мой занесла... [7, с. 143]

В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» Козлов вновь использует романтический образ челнока. Но теперь он готов, как и странник Жуковского («Путешественник», 1809 г.), несмотря на бурю жизненных невзгод, пуститься в своём челноке по неизведанным водам океана, чтобы обрести «небесную нетленность» [7, с. 61].

Образ челнока является сквозным в творчестве И.И. Козлова. К нему он снова обратится в 1833 году, написав стихотворение «Два челнока». По мнению И.Д. Гликмана, оно также «написано под прямым влиянием Жуковского» [7, с. 20]. Тем не менее, чувствуется разница в поэтической трактовке этого образа друзьями-стихотворцами. У Козлова «мистический пафос, религиозная символика уступают место конкретно-поэтической образности. Аллегория становится прозрачной и светлой, небесные ангелы заменяются верой в успех и удачу, которая воплощается в поэтическом образе сияющей, приветной звезды» [7, с. 20]. Однако образ «разбитого бурей пловца» также волнует поэта. В 1835 году он напишет

стихотворение «Пловец», в котором лирический герой будет изображён не в критический момент крушения челнока, как у Жуковского, а смотрящим на синее море пловцом, пережившим описываемое бедствие много лет назад, но помнящим о нём с той же болью и страданием. В стихотворении представлен взгляд человека, оказавшегося в состоянии живого мертвеца. Когда-то его «чёлн, влекомый яркою звездой» разбила буря «неизбежных бед», но ему удалось спастись. Но вместе с челноком на «дне морском» оказались все его мечты, надежды, чаяния на светлое будущее.

Переосмысление сюжета Жуковского коснулось и финала произведения Козлова. Если у первого заключительная строфа заканчивается стремлением «жить» и «дышать», то заключительная часть второго наполнена грустью и «горючих слёз» об «истлевших мечтаниях»:

*И сердца радостных мечтаний,
Истлевших от горючих слез!..*
[7, с. 61]

Ещё один символический образ встречается в послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» – маленькая птичка, несущая счастье, которая случайно залетела в жизнь И.И. Козлова, но остаться не захотела:

*И, лишь залётная, она
Мелькнёт, прельстит и улетает*
<...> [7, с. 61]

Перед поэтом проплывают пять лет болезни, долгих, мучительных, полных страдания и боли. Ему горько, что вместе с ним страдают и его близкие. Поэт не может больше радовать ту, что с ним «шла радостно рука с рукой». Он переживает, что потерял всякую возможность:

*Душою быть семьи своей,
Щитом, отрадой, упованьем
Подруги милой и детей <...>*
[7, с. 61-62]

И.И. Козлов был женат на Софье Андреевне Давыдовой. В счастливом браке родилось двое детей. По дневникам поэта можно судить, насколько трогательными и нежными были отношения в семье И.И. Козлова. «25 апр., четверг [1818]. По прочтении Св. Евангелия, снарядившись в путь, я пришёл в спальню помолиться Богу, обнял и расцеловал жену и детей, дал им сласти, поцеловал их... Да благословит меня Господь Иисус Христос и да возвратит мне здоровье и счастье с моей женой и детьми... Жена моя была очаровательна ко мне; она так заботилась, чтоб мне было хорошо; мне было так тяжело оставлять своих, даже на самое короткое время... » [5, с. 4-5].

Вся скорбь И.И. Козлова выразилась в этих строчках, о которых Пушкин писал: «Ужасное место, где поэт описывает своё затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии» [8, с. 174]. Поэт сравнивает себя с одиноким, никому не нужным огоньком:

*Так догорит, одинок,
Забывтый в поле огонёк...* [7, с. 63-64]

Как жить, когда ощущаешь невероятную физическую и душевную боль? Как смириться с постигшим тебя несчастьем? Как найти в себе силы идти дальше по этому жизненному пути? И.И. Козлов в послании к своему другу даёт ответ:

*О друг! поверь, единый Бог,
В судьбах своих непостижимый,
Лишь он, Всесильный, мне помог...*
[7, с. 64]

В тот момент, когда отчаяние достигло своего наивысшего предела, поэт чувствует, что в его, казалось бы, мёртвом теле загорелся новый огонёк. Он снова хочет жить, мечтать, любить, творить, чувствовать!

Но вдруг... хвала тебе, Творец!

Ты не забыл своё творенье!

Ты видишь глубину сердец,

Ты слышишь тайное моление.

Хвала тебе, мой страх исчез!..
[7, с. 64]

Спасительным кругом для И.И. Козлова стала дружба с А.А. Воейковой, оказавшейся с поэтом в мучительный период обострения болезни. В послании Козлов называет её Светланой, тем самым обращая внимание читателя на то, что это и есть та самая племянница и крестница В.А. Жуковского, которой её любимый дядя посвятил свою знаменитую «Светлану»:

Светлана добрая твоя

Мою судьбу переменяла,

Как ангел Божий низлетя,

Обитель горя посетила ...

[7, с. 65].

Здесь возникает характерный для русского романтизма образ Провиденья, который можно увидеть в «Пловце» Жуковского. Если под первым Провидением как у Козлова, так и у Жуковского подразумевается Высшая сила, то роль «второго провиденья» автором послания отводится А.А. Воейковой. Он называет её ангелом, посланным в его жизнь, чтобы утешить, укрепить веру в то, что жизнь не закончена, что его несчастье – это испытание, через которое он познает то, что дано далеко не всем.

Ещё одним утешением для поэта являются сны, в которых он видит себя в окружении близких ему людей, здо-

ровым и счастливым, созерцающим необыкновенные картины природы:

Так, снов пленительный обман

В замену истины мне дан;

Он жизни памятью остался ...

[7, с. 66].

«Самый мощный всплеск интереса к феномену сна (если не брать в расчёт XX в.) приходится на эпоху романтизма. Романтики, которые строят свою художественную вселенную на принципах двоемирия, осознают сон как важнейшую категорию бытия. Каждый поэт-романтик, используя предшествующий культурный опыт в осмыслении этого мотива, привносит что-то своё в трактовку явления сна» [10, с. 8]. Интерпретируя этот образ в своём творчестве, И.И. Козлов опирается на сложившуюся в зарубежной литературе метафору «жизнь есть сон» (её можно проследить в творчестве В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова и других отечественных поэтов XIX века). «Слепой музыкант» русской литературы признаётся, что только во сне он чувствует себя по-настоящему живым и счастливым человеком, поэтому ему так часто не хочется просыпаться. В то же время поэт понимает, что сон – это всего лишь «пленительный обман», но он благодарен ему за возможность вновь «видеть Божий свет»:

Ах! удаётся часто мне

Смотреть на Божий свет во сне...

[7, с. 66]

Таким образом, поэтическое толкование мотива сна в творчестве И.И. Козлова строится по форме: жизнь – сон – «пленительный обман». В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» поэт рассказывает своему другу и чи-

тателю о двух своих снах... В одном из них поэт видит себя на берегу Москвы-реки, в другом – спящему представляются картины ночного Петербурга.

Известно, что поэт продолжительное время жил в обеих столицах, где у него были свои любимые места. Так, описываемые в послании просторы около Москвы-реки соотносят с «Васильевским, загородным домом князя Юсупова, близ Воробьёвых гор» [7, с. 446]. Поэт, никогда не бывавший за границей, признаётся другу:

*Как ты, мой друг, я не скитался
В чужих далёких сторонах:
Всё родина в моих мечтах... [7, с. 67]*

Чтобы преодолеть свой душевный кризис, И.И. Козлов начинает усиленно работать. Перед ним открывается новый мир слов, звуков, образов:

*Мне льётся в душу вдохновенье,
И сердце бьётся, дух кипит,
И новый мир мне предстоит;
Я в нём живу, я в нём мечтаю,
Почти блаженство в нём встречаю;
Уж без страданья роковой
Досуг в занятиях протекает <...>*

[7, с. 68]

Погружаясь в мир книг, перечитывая Ломоносова, Карамзина, Жуковского, поэт забывает о своих страданиях:

*Мы с ними чувствуем живей,
Добрее, пламенней бываем, –
Так Русь святая нам святей,
Когда Карамзина читаем... [7, с. 68]*

«Козлов с большой выразительностью и душевным подъёмом говорит о могуществе поэзии, которая придаёт силы, обогащает, преображает, наполняет высшим смыслом жизнь» [7, с. 19]:

*О, друг, поэзия для всех
Источник силы, ободренья,*

*Животворительных утех
И сладкого самозабвенья!
Но для меня лишь в ней одной
Цветёт прекрасная природа!
В ней мир разнообразный мой!
В ней и веселье и свобода!.. [7, с. 69]*

Несчастье, постигшее поэта, позволило ему увидеть истинное назначение поэзии. Для себя он определил, чему он будет служить и во что верить:

*Изведал я, что убивать
Не могут грозные страданья,
Пока мы будем сохранять
Любви чистойшей упованья.
И здесь ли, друг, всему конец?
Взгляни... над нашими главами
Есть небо с вечными звездами,
А над звездами их Творец! [7, с. 69]*

Это послание можно назвать лирической исповедью, которую открывает И.И. Козлов своему другу. Поэт, который не пережил подобного несчастья, не смог бы с такой точностью и правдивостью выразить боль и страдание, всю сложность душевного состояния человека, оказавшегося в подобном положении.

«Послание отличается задушевностью тона, горячностью и искренностью поэтической речи, то есть теми особенностями, которые вообще свойственны лучшим произведениям Козлова и которые были отмечены такими его современниками, как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.И. Гнедич, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, Н.Н. Раевский» [7, с. 18], не говоря уже о самом Жуковском. Адресат «был потрясён этим посланием. В нём так полно раскрылось дарование Козлова, его душа, а Жуковский знал эту душу лучше всех» [2, с. 117].

Некоторые современники увидели в этом стихотворении только скорбь

об утраченном счастье. Но И.И. Козлов не жалуется на судьбу. Он рассказывает, как постигшее его несчастье изменило его жизнь, что помогло ему справиться с унынием и отчаянием. Показано душевное состояние человека в переломный момент его жизни. «По словам Н.А. Полевого, к поэту-слепцу ходили – не разделять бремя скорби и болезни, но слушать поэта, говорить с ним, дивиться этому непонятному психологическому явлению. Говоря с Козловым, я забыл, что он слепой, что бремя болезни приковало его к одру страдания. Мы говорили о многом, и необыкновенная память и обширные сведения Козлова изумили меня» [4, с. 550].

Лирический герой не только этого послания, но и других произведений Козлова – это «не только страдающая, но и стойкая, борющаяся личность, утверждающая себя в любви к жизни, в преодолении жизненных невзгод и бедствий. Если к этому прибавить художественную достоверность и подлинность переживаний героя, то станет понятным тот интерес, который возбуждала поэзия Козлова среди читателей двадцатых и тридцатых годов» [4, с. 550]. «Послание к другу» есть сокровищница, в которой схоронил поэт свои собственные ощущения <...>, освящённые его страданием и преображённые в тихом, но пламенном чувстве вдохновения поэтического» [9, с. 23].

1 января 1832 г. И.И. Козлов пишет второе послание В.А. Жуковскому. Если первую эпистолу можно сравнить с исповедью, то вторая напоминает нам молитву, в которой И.И. Козлов в канун Нового года просит Творца о милости для него, его семьи и драгоценного друга:

*Молю Подателя щедрот,
Чтоб Он хранил меня с женою,
С детьми моими – и с тобою,
Чтоб мне в тиши свой век прожить,
Всё тех же, так же всё любить...
[7, с. 218]*

Здесь нет уже того отчаяния, которое слышалось в первом послании. Стихотворение проникнуто тихой радостью, кротостью, надеждой на светлое будущее:

*О друг! Прелестен Божий свет
С любовью, дружбою, мечтами;
При тёплой вере горя нет;
Она дружит нас с небесами.
В страданьях, в радостях Он с нами,
Во всём печать Его щедрот:
Благословим же Новый год! [7, с. 218]*

Проанализировав эти послания, мы можем увидеть, как много связывало двух замечательных друзей, двух гениальных поэтов, В.А. Жуковского и И.И. Козлова. Их судьбы переплетены, как в жизни, так и в творчестве. В.А. Жуковский всегда старался помочь и поддержать «слепого музыканта» русской литературы. Когда болезнь почти совсем завладела Козловым, он «не упускал случая навестить его, побеседовать с ним, принести новых книг, переписывался с ним. Бывало даже – вместе со слугой Козловых – Лукьяном – нёс его на руках из дома в дрожки, чтобы он мог ехать на какой-нибудь литературный вечер» [3, с. 187].

В дневнике И.И. Козлова Жуковский упоминается почти в каждой записи. Последний мог быть у «слепого музыканта» несколько раз в неделю. Вместе они могли читать, обмениваться мыслями о тех или иных произведениях, обсуждать их общие литературные дела. Известно, что В.А. Жуковский занимался пуб-

ликацией его стихотворений. Чувствуя приближение своей кончины, И.И. Козлов поручает своему другу издать собрание его сочинений. В 1840 году выходит первое посмертное издание сочинений поэта, подготовленное В.А. Жуковским («Собрание стихотворений Ивана Козлова». Чч.1 и 2. Третье издание. СПб., 1840» [7, с. 441]).

Несмотря на дружеские отношения и совсем незначительную разницу в возрасте, И.И. Козлов считал себя учеником В.А. Жуковского. Он разделял взгляды своего учителя относительно русской литературы. «Жуковский, – по словам В.Г. Белинского, – был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни... До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией» [4, с. 550]. «Этот по существу важнейший принцип романтической лирики стал доминирующим в поэзии Козлова» [6, с. 17]. По словам Шевырёва, И.И. Козлов, «избравши содержанием своей поэзии себя самого, мог ли неуспешно представить ощущения своего сердца, столь ему знакомые и, вероятно, столь часто у него в жизни повторяемые...» [9, с. 23]

Несмотря на общие литературные интересы и параллели в творчестве, именно биографический феномен дружбы останется главной нитью, связывающей сердца двух гениальных поэтов. Они знали истинную цену этому человеческому богатству и делали всё, чтобы сохранить его на протяжении всей своей жизни.

В своей знаменитой речи «О дружбе» (1801 г.) В.А. Жуковский произнёс: «Что больше и приятнее может зани-

мать нас в эти минуты, посвящённые всему доброму, как не дружба – небесная, благодатная, услаждающая горести, оживляющая радости и наслаждения житейские?... Дружба не боится ни злобы, ни предрассудков, никакая сила не может разлучить сердец, соединённых самою природой...» [2]. В.А. Жуковский характеризует дружбу как «чистый, неразрывный союз двух сердец, рождённых одно для другого» [2]. Доказательством истинности этого высказывания сможет послужить сердечная дружба двух великих поэтов первой половины XIX века – В.А. Жуковского и И.И. Козлова. Избравши предметом творчества мир собственных чувств и переживаний, И.И. Козлов смысл своих поэтических излияний находил в сочувствии и «сомыслии» своих друзей, своего окружения. Его творчество явилось поэтической иллюстрацией высказывания В.А. Жуковского: «Человек без человека был бы самою бедною, беспомощною тварью на свете!.. Счастлив тот, кто нашёл себе друга испытанного, постоянного, кто нашёл его тогда, когда он более всего нужен. Не довольно того, чтобы уметь выбирать друга, должно уметь всегда быть ему другом...» [2].

Оба поэта учились друг у друга: И.И. Козлов с рекомендательных наставлений друга и учителя оттачивал свою художественную форму, В.А. Жуковский учился истинной вере, воплощение которой он увидел в друге-страдальце. Будучи отгороженным от внешнего мира, И.И. Козлов не отрицал его и, подобно тому, как вся «русская литература в лучших своих образцах никогда не замыкалась лишь в сфере внутренней

жизни» [1], искал источник вдохновения в наличии живого общения с дружелюбно расположенными к нему людьми.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А., Киселёва И.А. Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 136-141.
2. Афанасьев В. Жизнь и лира. Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове. М.: «Детская литература», 1977. 192 с.
3. Афанасьев В.В. Жуковский. 2-е изд. М.: Мол. Гвардия, 1987. 399 с.
4. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Московский телеграф, 1828, № 4. С. 563.
5. Грот К.Я. Дневник И.И. Козлова. С-Петербургъ.: Типография М. Стасюлевича, 1906. 33 с.
6. Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959–1960. Т. 1: Стихотворения. 1959. 480 с.
7. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подготовка текста и прим. И.Д. Гликмана. Л.: Сов. писатель, 1960. 507 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 174.
9. Пятаева А.В. Художественное своеобразие поэзии Ивана Козлова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2007. 167 с.
10. Рудакова С.В. Мотив сна в лирике Е.А. Баратынского // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. 220 с.

REFERENCES

1. Alpatova T.A., Kiseleva I.A. Chelovek – ideal – obshchestvo: problemy aksiologii literatury [The person – the ideal – the society: issues of axiology of literature] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2010. no. 2. pp. 136–141.
2. Afanas'ev V. ZHizn' i lira. KHudozhestvenno-dokumental'naya kniga o poete Ivane Kozlove [Life and Lira. Artistic-documentary book about the poet Ivan Kozlov]. M., «Detskaya literatura», 1977. 192 p.
3. Afanas'ev V.V. Zhukovskii [Zhukovskiy]. 2nd ed. M., Molodaya Gvardiya, 1987. 399 p.
4. Belinskii V.G. Sochineniya Aleksandra Pushkina [Works By Alexander Pushkin] // Moskovskii telegraf [Moscow Telegraph]. 1828. no. 4. P. 563.
5. Grot K.YA. Dnevnik I.I.Kozlova. [Diary of I. Kozlov]. St. Petersburg.: Tipografiya M.Stasyulevicha, 1906. 33 p.
6. Zhukovskii V.A. Sobranie sochinenii: V 4 t. T. 1: Stikhotvoreniya [Collected works: In 4 vols. Vol. 1: Poems]. M.–L., Gos. izd-vo khudozh. lit., 1959–1960. 480 p.
7. Kozlov I.I. Polnoe sobranie stikhotvoreniy [Complete poems]. L., Sovetskii pisatel', 1960. 507 p.
8. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 13 [Complete works. Vol. 13]. 174 p.
9. Pyataeva A.V. Khudozhestvennoe svoebrazie poezii Ivana Kozlova: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [Artistic peculiarities of poetry of Ivan Kozlov: abstr. candidate of Philological Sciences thesis.]. Volgograd, 2007. 167 p.
10. Rudakova S.V. Motiv sna v lirike E.A. Baratynskogo [Dream motive in the poetry of E. Baratynsky] // Vestnik MGGU im. M.A. SHolokhova. Filologicheskie nauki [Bulletin of Sholokhov MSHU. Philological Sciences]. 2012. no. 3. pp. 220.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якушкина Наталья Михайловна – старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: Yakuwkina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakushkina Nataliya M. – senior lecturer at the Department of Methodology of teaching Russian language and literature of the Moscow Region State University
e-mail: Yakuwkina@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Якушкина Н.М. «Дано мне вместе быть с тобою...»: творческий диалог И.И. Козлова и В.А. Жуковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 208-317.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-308-317

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Yakuskina. "I was meant to be together with you...": a creative dialogue of I. Kozlov and V. Zhukovsky // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 308-317.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-308-317